

УДК 821.161.1(91)
doi 10.17072/2073-6681-2026-2-76-84
EDN REJYPD

<https://elibrary.ru/rejypd>

Художественный психологизм и концепция личности (теоретико-методологический обзор)

Белоусова Евгения Александровна

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
evgbel131@mail.ru

Аннотация. В статье актуализирована необходимость теоретико-методологической постановки вопроса о связях между основными вехами становления художественного психологизма и доминировавшими в искусстве слова концепциями личности. Утверждается, что сознательный отказ от психологизма в разные эпохи служит важным маркером не только писательской индивидуальности, но и литературной «общности», при этом сам психологизм интересен в качестве инструмента изображения человека и постижения глубины его личности начиная с эпохи реализма, когда особенности индивидуальной психики воспринимаются писателями как дифференциальные на фоне устойчивых типологических черт, а в науке и критике на передний план выдвигается изучение чувств, эмоций, поступков героев (и шире – социальных типов) как результата определенных исторических и общественных процессов. Один из векторов методологического освещения указанной проблематики проиллюстрирован на примере научного и критического восприятия творчества Ф. М. Достоевского в отечественной традиции. Через оценки его исследователей зримо проявлялись изменения в отношении к художественному психологизму, обусловленные доминированием разных концепций личности, обусловленных как социально-политически, так и мировоззренчески. Тем самым обосновывается, что учет связей между художественным психологизмом и господствующей либо маргинальной в ту или иную эпоху концепцией личности может способствовать уточнению алгоритмов анализа поэтики текста, наиболее адекватных конкретному историко-литературному материалу, а не отвлеченных от него. Данное положение согласуется с аксиомой «предельной осмысленности литературного текста» (В. И. Тюпа), предполагает обнаружение в основе его эстетической упорядоченности некоторой «модели личностного присутствия» («я-в-мире») и не противоречит комплексному взгляду на психологизм, который не поддается универсальному методу изучения и нуждается в координирующем подходе.

Ключевые слова: психологизм; психологический анализ; концепция личности; Ф. М. Достоевский.

Для цитирования

Белоусова Е. А. Художественный психологизм и концепция личности (теоретико-методологический обзор) // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2026. Т. 18, вып. 2. С. 76–84. doi 10.17072/2073-6681-2026-2-76-84. EDN REJYPD

Artistic Psychologism and the Concept of Personality (theoretical and methodological review)

Evgenia A. Belousova

Lomonosov Moscow State University
evgbel131@mail.ru

Abstract. The article highlights the need for a theoretical and methodological formulation of the problem of the connections between the main stages in the formation of artistic psychologism and the concepts of personality that dominated the art of speech in a particular period. It is argued that conscious rejection of psychologism in different epochs serves as an important marker not only of the writer's individuality but also of literary "commonality"; psychologism itself is interesting as a tool for depicting a person and comprehending the depth of his personality starting from the era of realism, when the features of the individual psyche are perceived by writers as differential against the background of stable typological features, while what comes to the forefront in science and criticism is the study of feelings, emotions, and actions of heroes (and more broadly – of social types) as a result of certain historical and social processes. One of the vectors of methodological coverage of this problem is illustrated by the example of scientific and critical perception of Fyodor Dostoevsky's writings in the Russian tradition. Through the assessments made by researchers, it is possible to clearly see changes in attitudes toward artistic psychologism, these caused by the dominance of different concepts of personality, both determined socio-politically and worldview-conditioned. Thus, it is proved that taking into account the connections between artistic psychologism and the dominant or marginal concept of personality in a particular era can contribute to clarifying the algorithms for analyzing the poetics of a text that would be most adequate to a specific historical and literary material. This approach is consistent with the axiom of the "ultimate meaningfulness of a literary text" (V. I. Tyupa), assumes the discovery of a certain "model of personal presence" ("I am in the world") at the heart of its aesthetic orderliness, and does not contradict the complex view of psychologism, which does not lend itself to a universal method of study and needs a coordinating approach.

Keywords: psychologism; psychological analysis; concept of personality; Fyodor Dostoevsky.

For citation

Belousova E. A. Artistic Psychologism and the Concept of Personality (theoretical and methodological review). *Perm University Herald. Russian and Foreign Philology*, 2026, vol. 18, issue 2, pp. 76–84. doi 10.17072/2073-6681-2026-2-76-84. EDN REJYPD (In Russ.)

Классики психологии – З. Фрейд и К. Юнг¹ – давно отметили связь характера человека, особенностей его поведения с одобряемой / не одобряемой в ту или иную эпоху концепцией личности. По отношению к художественной словесности мысль о зависимости типа психологизма от преобладающих в социуме представлений о личностных индикаторах закономерна. «Литература, – заключает В. И. Масловский, – это барометр общества, его запросов, стрелка которого колеблется между познанием и воспитанием человека. Психологизм – производное от понимания человека...» [Масловский 2018]. Между тем основные вехи становления психологизма применительно к доминировавшим в искусстве слова концепциям личности так и не получили специального теоретического освещения, отойдя в область историко-литературных «штудий»².

Осознавая невозможность устранения существующей лакуны в рамках данной статьи, мы стремимся актуализировать методологический ракурс указанной проблематики и наметить один из продуктивных векторов ее рассмотрения на примере научного и критического восприятия творчества Ф. М. Достоевского – одного из самых ярких художников-исследователей внутренней жизни, «реалиста в высшем смысле» – в отечественной традиции. Поскольку реалии, кото-

рые писатель воспроизводит в своих произведениях, по точному замечанию З. Фрейда, с точки зрения рассудка могут показаться несправедливыми, но психологически они абсолютно правдивы [Фрейд 1995: 289]. Акцент на русской литературе в этой связи обусловлен тем фактом, что зарубежная литературоведческая традиция в большей степени тяготеет к психоанализу, а не психологизму.

Предварительно подчеркнем, что с точки зрения анализа художественного произведения психологизм интересен как инструмент, благодаря которому автор изображает человека, постигает глубину его личности. При этом сознательный отказ от психологизма в разные эпохи служит важным маркером как писательской индивидуальности, так и литературной «общности».

Разумеется, обращаться здесь к древней литературе не приходится. Вспомним выводы академика А. Н. Веселовского о «нерасчлененно-сливной природе» архаического сознания. Источком синкретизма, по мнению ученого, является нерасчлененность чувственных восприятий, данных разных органов чувств, отсутствие автора и героя как самостоятельных субстанций (см. подробнее: [Веселовский 1940]). Позднее, в эпоху

Античности, фиксация определенных чувств и эмоций писателями встречается, но отсутствует собственно психологический анализ. Так, по М. М. Бахтину, чувства героя древнегреческого романа показывались и – соответственно – воспринимались одинаково «вовне для всех» и «для себя» [Бахтин 1970: 63]. Вплоть до конца XVIII в. в европейских литературах характеристики персонажа во многом зависели от жанровых особенностей произведения (исповедальный роман раннехристианской литературы или куртуазный роман) (см. подробнее: [Гинзбург 1977]). В свою очередь, сентиментализм и романтизм, несмотря на внимание к художественному моделированию внутреннего мира личности, не были психологичны в строгом смысле слова, поскольку оставались далеки от индивидуализации как принципа художественного изображения человека: «... всю эту сложность романтики, во-первых, относили именно к исключительным личностям, а во всех остальных полагали скорее одномерность и стереотипность» [Галанов 1982: 88].

Кардинально ситуация меняется в эпоху реализма, когда особенности индивидуальной психики начинают восприниматься как дифференциальные на фоне устойчивых типологических черт. Углубление внутреннего мира персонажа в искусстве неотделимо от того, что в самой жизни усложняется представление о человеке как психофизическом организме. По словам О. Б. Золотухиной, в литературе второй половины XIX в. складывается взгляд на личность во взаимодействии «трех сфер: тела, психики и сознания (биологического, душевного, духовного)» [Золотухина 2009]. Наконец, появление психологического анализа в художественном творчестве свидетельствовало не только о трансформации социальных и межличностных отношений, которые требовали соответствующих способов осмысления, но и о готовности литературы к такому познанию, о достаточном развитии ее потенциала. Одновременно с этим в науке и критике на передний план закономерно выдвинулось изучение чувств, эмоций, поступков героев (и шире – социальных типов) как результата определенных исторических и социальных процессов³.

Модернистская концепция личности, сформировавшаяся к началу XX в., в большей степени, чем реалистическая, учитывала динамические процессы психики, представляла фрагментарное или растворившееся в непрерывно изменяющемся потоке психических реакций сознание героя. Для обозначения новой формы психологизма Л. А. Колобаева вводит термин «психологизм символично-мифологический», то есть «условный, “скрытый” и синкретический, в отличие от

психологизма аналитического, каузального, “объясняющего”, логически прозрачного, который преобладал в классической литературе прошлого» [Колобаева 1999: 9].

На русской почве, в новых общественно-политических реалиях, после прихода к власти большевиков, проблемы художественного психологизма встали особенно остро: сказались и резкое размежевание литературных сил, и неопределенность героя нового времени. Марксистская этика требовала «безусловного подчинения тех или иных желаний общественному долгу» [Воробьева 2013: 81]. Отсюда презрение, с которым будущие проповедники соцреализма относились к рефлексии, сложным душевным конфликтам – всему, что ассоциировалось со слабостью, изнеженностью характера. «Большевиком, – небезосновательно предположил Г. Уэллс, – придется перестроить не только материальную организацию общества, но и образ мышления целого народа... Чтобы построить новый мир, нужно сперва изменить всю их психологию» [Уэллс 1958: 74]. И действительно, «отмена» прошлого, разрыв человека со всем, что казалось аксиоматичным и привычным, привели к существенным представлениям о личности в обществе. Проследивая «формовку советского писателя», Е. А. Добренко исследовал социальные и эстетические истоки советской литературной культуры, которая стала продуктом коллективного сознания, отражая дух и цели социалистического общества [Добренко 1999]. В конечном счете не только в литературе, но и в социуме тоталитарного периода «человек, как личность, как индивид, перестает существовать, он доподлинно превращается в “человеческий материал”» [Геллер 1994: 138].

После Великой Отечественной войны началось художественное переосмысление действительности и человека. В частности, проза сперва обратилась к теме судьбы поколения («Жатва» Г. Е. Николаевой, 1950; «Дни нашей жизни» В. К. Кетлинской, 1952; «Журбины» В. А. Кочетова, 1952; и т. п.), а с середины 1960-х гг. стала смещать внимание на идейно-нравственные искания героя, коллизии индивидуальной психологии («Солдатами не рождаются» К. М. Симонова (1964), «Сотников» В. В. Быкова (1969), «Живи и помни» В. Г. Распутина (1974), «Выбор» Ю. В. Бондарева (1975) и др.). Согласимся с П. Л. Вайлем и А. А. Генисом* в том, что «идея

*Генис Александр Александрович включен в реестр иностранных агентов. Дата принятия Минюстом России решения о включении в реестр 25.09.2024. URL: <https://minjust.gov.ru/ru/pages/reestr-inostryannykh-agentov/> (дата обращения: 14.05.2026)

выбора между плохим и хорошим пронизывала всю культуру 60-х» [Вайль, Генис** 1998: 54]. Неслучайным поэтому видится возродившийся интерес литературоведов к вопросам психологизма. Показателен вывод В. В. Компанейца, сделанный в первой половине 1970-х гг.: «По проблеме новаторства советских писателей в области психологизма пока еще нет специальных крупных исследований, а имеющие к ней отношение многочисленные отдельные наблюдения и высказывания не систематизированы и не обобщены» [Компанейц 1974: 59]. Между тем, как мы уже писали ранее, именно к 1970-м гг. научный подход стал основополагающим в изучении психологизма [Белюсова 2024].

Современный этап развития русской литературы изобилует формами внутреннего изображения личности. Воплощение рефлексии как основы психологического анализа часто сочетается с символизацией душевных явлений, «проступают новые художественные подходы к человеческой психологии, обнаруживается обращение к синтетическим способам психологизма, стремление в исследовании бессознательных, “нижних” слоев психики проявить “сущностные начала” – с помощью косвенных, опосредованных приемов символично-мифологического психологизма и утонченных хронотопических его форм» [Колобаева 1999: 20]. Ряд авторов с диаметрально противоположными эстетическими установками (например, В. Г. Сорокин и З. Прилепин) усматривают связи между реалиями мировой истории и душевной трансформацией героев, разделяют динамическое понимание личности, одновременно субъективизируют и типологизируют картину мира. Соответственно, и в литературоведении утвердился взгляд на психологизм как на комплексное явление, которое не поддается «универсальному» методу изучения и нуждается в координирующем взгляде.

Иллюстрацией к сказанному может быть случай Ф. М. Достоевского. В оценках его творчества зримо проявлялись изменения в отношении к художественному психологизму, обусловленные доминированием разных концепций личности, обусловленных как социально-политически, так и мировоззренчески. Не ставя задачи отразить весь спектр работ о Достоевском⁴, мы обра-

тимся к наиболее репрезентативному в аспекте рассматриваемой проблематики опыту отечественных критиков и литературоведов. По верному замечанию В. Л. Комаровича, «никто из русских писателей в своей литературной судьбе не претерпел столько превратностей, как Достоевский; никто из них, кроме него, не испытал такой резкой смены восторга и равнодушия, проникновенной близости к себе читателя и враждебной его отчужденности» [Комарович 1925: 3].

Адепты реалистической концепции личности акцентировали внимание на достоверности писателя в изображении жизни, глубине психологического анализа и социальной проблематике его произведений. Так, в 1840–1860-х гг. творчество Достоевского рассматривалось в контексте традиций «натуральной школы». В. Н. Майков отмечал, что, в отличие от Н. В. Гоголя, «поэта по преимуществу социального», Достоевский – автор «по преимуществу психологический», который смог «так глубоко проникнуть в человеческую душу... что впечатление можно сравнить лишь только с впечатлением человека, проникающего в химический состав материи под микроскопом» [Майков 1847: 4]. Данная оценка весьма симптоматична для реалистической трактовки личности: важны внутренняя мотивация и правдивость.

В конце XIX – начале XX в. получило распространение религиозно-философское толкование произведений классика. Модернистская концепция личности обусловила взгляд на Достоевского как на предтечу «новых» идей, привлекла исследовательское внимание к экзистенциальным вопросам и сложным, порой пограничным, психологическим состояниям героев писателя. Неслучайно Н. А. Бердяев назвал Достоевского «не психологом», а «пневматологом и метафизиком-символистом» [Бердяев 2001: 37]. Однако напомним, что характерная для мыслителей рубежа веков тяга к иррациональному соседствовала с антипсихологическими установками, направленными против «препарирования» чувств и эмоций. А. Белый, в частности, полагал, что «глубина, построенная на психологии, часто фальшива», а «Достоевский слишком “психолог”, чтобы не возбуждать брезгливости» [Белый 1994: 44].

Догматическое литературоведение советского периода долгое время расценивало интерес Достоевского к предельным состояниям личности как опасный, отравляющий читателя; и хотя известны слова И. В. Сталина о Достоевском как о великом художнике⁵, официальная интерпретация ограничивалась идеологическими установками,

**Генис Александр Александрович включен в реестр иностранных агентов. Дата принятия Минюстом России решения о включении в реестр 25.09.2024. URL: <https://minjust.gov.ru/ru/pages/reestr-inostryannykh-agentov/> (дата обращения: 14.05.2026)

характеризующими классика в русле критического реализма. Если в 1920-е гг. некоторым исследователям еще удавалось разрабатывать методологически продуктивные подходы к анализу психологических открытий писателя (см.: «Поэтика Достоевского» Л. П. Гроссмана, 1925; «Достоевский: Современные проблемы историко-литературного изучения» В. Л. Комаровича, 1925; «Проблемы творчества Достоевского» М. М. Бахтина, 1929), то впоследствии возобладала соцреалистическая концепция личности, диктовавшая оценку творческого наследия художника с позиций классовой борьбы или борьбы за социальную справедливость.

Когда в 1960-е гг. для достоевсковедения наступили более благоприятные времена, возобновились продолжающиеся вплоть до наших дней споры о том, можно ли рассматривать психологизм писателя как традиционный (см.: [Евлампиев 1997, Андреев, 1995]). «Если под психологизмом понимать исследование душевной жизни в ее противоречиях и глубинах, то странно, по меньшей мере, отказывать в этом качестве Достоевскому, – пишет Л. Я. Гинзбург. – Но столь же несомненно, что Достоевский, создавая свой роман идей, отклонился от классического психологизма XIX века... Истолкование мотивов поведения персонажа неоднократно меняется по ходу романа, и каждая новая разгадка отнюдь не является окончательной» [Гинзбург 1977: 168].

Последние три десятилетия в России ознаменованы появлением фундаментальных трудов о Достоевском, в которых предприняты попытки систематизации научной и критической рецепции его творчества. Среди знаковых работ этого периода – сборник «Достоевский в конце XX в.» [Достоевский в конце XX в. 1996], диссертации «Достоевский и русский психологический роман XIX в.» [Осмоловский 1999], «Динамическая типология героев Ф. М. Достоевского» [Макаричев 2002], «Сюжетология романов Ф. М. Достоевского» [Криницын 2017], «Произведения Ф. М. Достоевского 1840-х – нач. 1860-х годов как “единый текст”» [Магарил-Ильяева 2019]. Этот ряд можно продолжить, не говоря уже о публикациях в таких авторитетных периодических изданиях, как «Неизвестный Достоевский» (ПетрГУ) или «Достоевский и мировая культура. Филологический журнал» (ИМЛИ РАН).

Вновь усилилось влияние религиозно-философской концепции личности на восприятие текстов Достоевского, который и всемирную историю рассматривал под знаком идеи преображения мира и человека – Обожения, то есть итога развития Вселенной, когда «будет Бог все во всем» (1 Кор. 15:28). У истоков традиции про-

чтения литературного наследия писателя с православных позиций – полемика между В. С. Соловьевым и К. Н. Леонтьевым. Для первого философа и его последователей Достоевский – основоположник «нового религиозного сознания» [Соловьев 1988], для другого мыслителя и публициста – выразитель воззрений не христианства Традиции, не святоотеческого Предания, а опасного, тяготеющего к протестантизму мировосприятия [Леонтьев 1882]. Анализ творческого наследия автора «великого Пятикнижия» под религиозным углом продолжили В. В. Розанов (в экзистенциальном аспекте) [Розанов 1894], Д. С. Мережковский (с позиций религиозной общественности) [Мережковский 1914], С. Н. Булгаков (в ракурсе софиологических идей) [Булгаков 1912] и др. После большевистского переворота эта линия поисков продолжилась в русском зарубежье (см. подробнее: [Достоевский и русское зарубежье XX века 2008]). «Более того, – отмечает И. Л. Волгин, – он (Достоевский. – Е. Б.) стал своего рода сквозным сюжетом, мерой и точкой отсчета в главном историческом споре: что случилось с Россией, каким представляется ее прошлое и есть ли у нее будущее?» [Волгин 2007: 175]. Среди наиболее ярких участников дискуссии – П. Б. Струве [Струве 1921], Н. А. Бердяев [Бердяев 2001], И. А. Ильин [Ильин 2024], И. С. Шмелев [Шмелев 1947]. Современные исследователи говорят о пересечении идей Достоевского с размышлениями признанных Отцов Церкви (св. Дионисия Ареопажита, прп. Максима Исповедника, прп. Исаака Сирина, прп. Симеона Нового Богослова), которые развивали богословскую традицию, окончательно раскрывшуюся в паламизме (восточно-православной практике исихазма)⁶.

Думается, приведенных примеров достаточно, чтобы наглядно продемонстрировать кардинальные сдвиги в отношении к Достоевскому под прямым влиянием той или иной концепции личности, доминировавшей в сознании толкователей его произведений. Как видно, «психологизм является лишь посредником, осуществляющим прямую и обратную связь между “системами ориентации” и поведением, изменения в мировоззрении непосредственно сказываются на типе психологизма» [Андреев 1995: 88]. В отечественном литературоведении осмысление форм репрезентации душевной жизни художниками слова, начавшись во второй половине XIX столетия, особенно активно развивалось в первой четверти прошлого века, а затем, после

длительного кризиса (фактически – «запрета» на тему), возобновилось к 1970-м гг. и продолжает-ся до сих пор. Учет связей между художествен-ным психологизмом и господствующей либо маргинальной в ту или иную эпоху концепцией личности полноценно не отрефлексирован на теоретико-методологическом уровне, но именно он может способствовать уточнению алгорит-мов анализа поэтики текста в интересующем нас измерении, наиболее адекватных конкрет-ному историко-литературному материалу, не отвлеченных от него. Данное утверждение со-гласуется с одной из презумпций, которыми, по мнению В. И. Тюпы, призван руководствоваться аналитик – «предельной осмысленностью лите-ратурного текста», что «предполагает обнару-жение в основе эстетической упорядоченности текста некоторой модели личностного присут-ствия (“я-в-мире”), не совсем удачно именуемой обычно “концепцией личности”» [Тюпа 2024: 180]. И тот факт, что в 1920-е гг. собственно научная методология литературоведческого анализа в нашей стране складывалась усилиями не только формалистов, но и А. П. Скафтымова и М. М. Бахтина, в чьих ранних трудах цен-тральное место по праву принадлежит наследию Достоевского, нельзя назвать случайным.

Примечания

¹ См., например: Фрейд З. Художник и фанта-зирование (сборник работ) / пер. Р. Ф. Дорель-цева, А. М. Кесселя, М. Н. Попова. М.: Респуб-лика, 1995; Юнг К. Г. Психологические типы / пер. Е. И. Рузева. М.: Гос. изд-во, 1924.

² Подробнее см.: Бочаров А. Г. Требователь-ная любовь. Концепция личности в современной советской литературе. М.: Худ. лит., 1977. 364 с.; Колобаева Л. А. Концепция личности в русской литературе рубежа XIX–XX веков. Москва: Изд-во МГУ, 1990. 336 с.; Ковальчук Д. А. художе-ственная концепция личности в русской прозе 20–30-х годов XX века: дис. ... канд. филол. наук. Армавир, 1998. 160 с.; Афанасьев А. В. Ху-дожественная концепция личности в творчестве Андрея Белого: дис. ... канд. филол. наук. Ка-зань, 2012. 164 с.

³ Подробнее см.: Гинзбург Л. Я. О психологи-ческой прозе. Л.: Худ. лит., 1977. 449 с.; Карель-ский А. В. От героя к человеку (Развитие реали-стического психологизма в европейском романе 30–60-х годов XIX в.) // Вопросы литературы 1983. № 9. С. 81–122; Гудонене В. В. Искусство психологического повествования (от Тургенева к Бунину). Вильнюс: VPU leidykla, 1998. 118 с.

⁴ Подробнее см.: Акелькина Е. А. Судьбы оте-чественного достоевсковедения последней трети XX века // Вестник ОмГУ. 2001. № 4. С. 5–9;

Жожикашвили С. Аспекты современного досто-евсковедения // Новое литературное обозрение. 2013. № 2 (120). С. 362–371; Кибальник С. А. Основные тенденции современного изучения творчества Ф. М. Достоевского // Известия Рос-сийской академии наук. Серия литературы и языка. 2020. Т. 79, № 4. С. 67–83.

⁵ См.: «Отец не любил поэтического и глу-боко психологического искусства. Не видела на его столе Толстого или Тургенева. Но о До-стоевском он сказал мне как-то, что это был “великий психолог”. К сожалению, я не спро-сила, что именно он имел в виду – глубокий социальный психологизм “Бесов” или анализ поведения в “Преступлении и наказании”?» (Аллилуева С. И. Один год дочери Сталина. М.: Алгоритм, 2020. С. 137).

⁶ См., например: Архимандрит Василий (Иверский). Духовная связь аввы Исаака Сирина и Ф. М. Достоевского // Преподобный Исаак Си-рин и его духовное наследие. М.: Познание, 2017. С. 378–385; Дроздов А. И., Гимоян С. А. Религиозные воззрения Ф. М. Достоевского // Труды Нижегородской духовной семинарии. 2020. № 18. С. 35–56.

Список литературы

- Андреев А. Н. Целостный анализ литературно-го произведения. Минск: НМЦентр, 1995. 144 с.
- Бахтин М. М. Эпос и роман // Вопросы лите-ратуры. 1970. № 1. С. 95–122.
- Белюсова Е. А. Художественный психоло-гизм: итоги и перспективы изучения в отече-ственном литературоведении // Philologos. 2024. № 1 (60). С. 5–11.
- Белый А. Критика. Эстетика. Теория симво-лизма. Т. I. М.: Искусство, 1994. 479 с.
- Бердяев Н. А. Миросозерцание Достоевского. М.: Захаров, 2001. 173 с.
- Булгаков С. Философия хозяйства. Ч.1: Мир как хозяйство. М.: Путь, 1912. 236 с.
- Вайль П., Генис А. *** 60-е. Мир советского человека. М.: НЛО, 1998. 368 с.
- Веселовский А. Н. Синкретизм древнейшей поэзии и начала дифференциации поэтических родов // Веселовский А. Н. Историческая поэти-ка. Л.: Гослитиздат, 1940. С. 155–245.
- Волгин И. Л. Достоевский в изгнании. Перепис-ка И. С. Шмелева и И. А. Ильина (1927–1950) // Октябрь. 2007. № 8. С. 175–186.

***Генис Александр Александрович включен в реестр иностранных агентов. Дата принятия Минюстом России решения о включении в реестр 25.09.2024. URL: <https://minjust.gov.ru/ru/pages/reestr-inostroyannykh-agentov/> (дата обращения: 14.05.2026)

- Воробьева М. В. Образы конформистов в текстах культуры советского общества 1960–1980-х гг. // Лабиринт. Журнал социально-гуманитарных исследований. 2013. № 6. С. 78–86.
- Галанов Б. Е. «Души изменчивой приметы...»: лит.-крит. очерки. М.: Сов. писатель, 1982. 247 с.
- Геллер М. Я. Машина и винтики: История формирования советского человека. М.: МИК, 1994. 335 с.
- Гинзбург Л. Я. О психологической прозе. Л.: Худ. лит., 1977. 449 с.
- Добренко Е. Формовка советского писателя. Социальные и эстетические истоки советской литературной культуры. СПб.: Академический проект, 1999. 321 с.
- Достоевский в конце XX века: сб. ст. / сост. и ред. К. Степанян. М.: Классика плюс, 1996. 211 с.
- Достоевский и русское зарубежье XX века / под ред. Жана-Филиппа Жаккара и Ульриха Шмида. СПб.: Дмитрий Буланин, 2008. 280 с.
- Евлампиев И. И. Антропология Достоевского // Вече. 1997. Вып. 8. С. 122–196.
- Золотухина О. Б. Психологизм в литературе. Гродно, 2009. URL: <http://ebooks.grsu.by/zolotuhina/oglavlenie.htm> (дата обращения: 12.02.2025).
- Ильин И. А. Образ Идиота у Достоевского (лекции). М.: Худ. лит., 2024. 22 с.
- Колобаева Л. А. «Никакой психологии», или Фантастика психологии? (О перспективах психологизма в русской литературе нашего века) // Вопросы литературы. 1999. № 2. С. 3–20.
- Комарович В. Л. Достоевский: Современные проблемы историко-литературного изучения. Л.: Образование, 1925. 64 с.
- Компанеев В. В. Художественный психологизм как проблема исследования // Русская литература. 1974. № 1. С. 46–60.
- Криницын А. Б. Сюжетология романов Ф. М. Достоевского: дис. ... д-ра филол. наук. М., 2017. 218 с.
- Леонтьев К. Н. Наши новые христиане: Ф. М. Достоевский и гр. Лев Толстой (По поводу речи Достоевского на празднике Пушкина и повести гр. Толстого «Чем люди живы?»). М.: Тип. Е. И. Погодиной, 1882. 68 с.
- Магарил-Ильяева Т. Г. Произведения Ф. М. Достоевского 1840-х – нач. 1860-х годов как «единый текст»: дис. ... канд. филол. наук. М., 2019. 173 с.
- Майков В. Н. Нечто о русской литературе в 1846 году // Отечественные записки. 1847. Т. 50, № 1. Отд. 5. С. 1–17.
- Макаричев Ф. В. Динамическая типология героев Ф. М. Достоевского: дис. ... канд. филол. наук. Магнитогорск, 2002. 164 с.
- Масловский В. И. Психологизм на перекрестках истории // Narratorium. 2018. № 11. URL: <https://narratorium.ru/2018/07/24/валентин-масловский-москва-психолог/> (дата обращения: 13.09.2025).
- Мережковский Д. Собрание сочинений: В 24 т. Т. 10. Л. Толстой и Достоевский: Жизнь и творчество. М.: Типография т-ва И. Д. Сытина, 1914. 176 с.
- Осмоловский О. Н. Достоевский и русский психологический роман XIX в.: дис. ... д-ра филол. наук. Орел, 1999. 183 с.
- Розанов В. В. Легенда о великом инквизиторе Ф. М. Достоевского опыт критического комментария В. Розанова. Санкт-Петербург: Типо-литогр. и нотопеч. С. М. Николаева, 1894. 234 с.
- Соловьев В. С. Три речи в память Достоевского // Соловьев В. С. Соч.: В 2 т. Т. 2. М.: Мысль, 1988. 828 с.
- Струве П. Б. Потомок русского духовного возрождения // Русская мысль. София, 1921. Кн. X–XII. С. 274–279.
- Тюна В. И. Теория литературы. М.: РГГУ, 2024. 254 с.
- Уэллс Г. Россия во мгле / пер. В. Пастоева, И. Виккер. М.: Госполитиздат, 1958. 104 с.
- Фрейд З. Художник и фантазирование (сборник работ) / пер. Р. Ф. Дорельцева, А. М. Кесселя, М. Н. Попова. М.: Республика, 1995. 400 с.
- Шмелев И. С. О Достоевском. К роману «Идиот» // Русская мысль. 1947. 4 сент. № 21. С. 1–5.
- Юнг К. Г. Психологические типы / пер. Е. И. Рузева. М.: Гос. изд-во, 1924. 96 с.

References

- Andreev A. N. *A Holistic Analysis of a Literary Work*. Minsk, NMTsentr Publ., 1995. 144 p. (In Russ.)
- Bakhtin M. M. Epic and novel. *Voprosy literatury*, 1970, issue 1, pp. 95–122. (In Russ.)
- Belousova E. A. Artistic psychology: The results and prospects of studying in Russian literary studies. *Philologos*, 2024, issue 1 (60), pp. 5–11. doi 10.24888/2079-2638-2024-60-1-5-11 (In Russ.)
- Bely A. *Criticism. Aesthetics. Theory of Symbolism*. Moscow, Iskustvo Publ., 1994, vol. 1. 479 p. (In Russ.)
- Berdyaev N. A. *Dostoevsky's Contemplation of the World*. Moscow, Zakharov Publ., 2001. 173 p. (In Russ.)
- Bulgakov S. *Philosophy of Economy*. Moscow, Put' Publ., 1912, pt.1. The world as household. 236 p. (In Russ.)

Vail P., Genis A.**** *The 1960s. The World of the Soviet Man*. Moscow, New Literary Observer Publ., 1998. 368 p. (In Russ.)

Veselovsky A. N. Syncretism of the most ancient poetry and the origins of differentiation of poetic genera. In Veselovsky A. N. *Historical Poetics*. Leningrad, Goslitizdat Publ., 1940, pp. 155–245. (In Russ.)

Volgin I. L. Dostoevsky in exile. Correspondence between I. S. Shmelev and I. A. Il'in (1927–1950). *October*, 2007, issue 8, pp. 175–186. (In Russ.)

Vorob'eva M. V. Images of conformists in the texts of the culture of Soviet society in the 1960s–1980s. *Labyrinth. Journal of Social and Humanities Studies*, 2013, issue 6, pp. 78–86. (In Russ.)

Galanov B. E. *"The Changeable Marks of the Soul...": Literary-Critical Essays*. Moscow, Sovetskii pisatel' Publ., 1982. 247 p. (In Russ.)

Heller M. Ya. *Cogs in the Soviet Wheel: The Formation of Soviet Man*. Moscow, MIK Publ., 1994. 335 p. (In Russ.)

Ginzburg L. Ya. *On Psychological Prose*. Leningrad, Khudozhestvennaya literatura Publ., 1977. 449 p. (In Russ.)

Dobrenko E. *The Making of the State Reader Social and Aesthetic Contexts of the Reception of Soviet Literature*. St. Petersburg, Akademicheskii proekt Publ., 1999. 321 p. (In Russ.)

Dostoevsky at the End of the 20th Century: A collection of articles. Comp. and ed. by K. Stepanyan. Moscow, Klassika plus Publ., 1996. 211 p. (In Russ.)

Dostoevsky and the Russian émigré community of the 20th century. Ed. by Jean-Philippe Jaccard and Ulrich Schmid. St. Petersburg, Dmitriy Bulanin Publ., 2008. 280 p. (In Russ.)

Evlampiev I. I. Dostoevsky's anthropology. *Veche*, 1997, issue 8, pp. 122–196. (In Russ.)

Zolotukhina O. B. *Psychologism in Literature*. Grodno, 2009. Available at: <http://ebooks.grsu.by/zolotuhina/oglavlenie.htm> (accessed 12 Feb 2025). (In Russ.)

Il'in I. A. *The image of the Idiot in Dostoevsky's writings (lectures)*. Moscow, Khudozhestvennaya literatura Publ., 2024. 22 p. (In Russ.)

Kolobaeva L. A. 'No psychology', or the Fantasy of psychology? (On the prospects of psychologism in the Russian literature of our century). *Voprosy Literaturny*, 1999, issue 2, pp. 3–20. (In Russ.)

Komarovich V. L. *Dostoevsky: Modern Problems of Historical and Literary Study*. Leningrad, Obrazovanie Publ., 1925. 64 p. (In Russ.)

Kompaneets V. V. Artistic psychologism as a research problem. *Russkaya literatura*, 1974, issue 1, pp. 46–60. (In Russ.)

Krinityn A. B. *The plotology of F. M. Dostoevsky's novels*. Dr. philol. sci. diss. Moscow, 2017. 218 p. (In Russ.)

Leont'ev K. N. *Our New Christians: F. M. Dostoevsky and Count Leo Tolstoy: (On the occasion of Dostoevsky's speech at the Pushkin celebration and Count Tolstoy's story "What Men Live By?")*. Moscow, Publishing House of E. I. Pogodina, 1882. 68 p. (In Russ.)

Magaril-Il'yeva T. G. *The works of F. M. Dostoevsky of the 1840s – early 1860s as a 'single text'*. Cand. philol. sci. diss. Moscow, 2019. 173 p. (In Russ.)

Maykov V. N. Something about Russian literature in 1846. *Notes of the Fatherland*, 1847, vol. 50, issue 1, section 5, pp. 1–17. (In Russ.)

Makarichev F. V. *Dynamic typology of F. M. Dostoevsky's heroes*. Cand. philol. sci. diss. Magnitogorsk, 2002. 164 p. (In Russ.)

Maslovskiy V. I. Psychologism at the crossroads of History. *Narratorium*, 2018, issue 11. Available at: <https://narratorium.ru/maslovskij-psixolog/> (accessed 13 Sep 2025). (In Russ.)

Merezhkovskiy D. *Collected Works*. In 24 vols. Moscow, 1914, vol. 10. L. Tolstoy and Dostoevsky: Life and creative work. 176 p. (In Russ.)

Osmolovskiy O. N. *Dostoevsky and the Russian psychological novel of the 19th century*. Dr. philol. sci. diss. Orel, 1999. 183 p. (In Russ.)

Rozanov V. V. *The Legend of the Grand Inquisitor by F. M. Dostoevsky: An Attempt of Critical Commentary by V. Rozanov*. St. Petersburg, 1894. 234 p. (In Russ.)

Solovyov V. S. Three speeches in memory of Dostoevsky. In Solovyov. *Works*. In 2 vols. Moscow, Mysl' Publ., 1988, vol. 2, pp. 289–323. (In Russ.)

Struve P. B. A descendant of the Russian spiritual renaissance. *Russian Thought*. Sofia, 1921, book X–XII, pp. 274–279. (In Russ.)

Tyupa V. I. *Theory of Literature*. Moscow, Russian State University for the Humanities Press, 2024. 254 p. (In Russ.)

Wells H. *Russia in the Shadows*. Transl. by V. Pastoev, I. Vikker. Moscow, Gospolitizdat Publ., 1958. 104 p. (In Russ.)

Freud S. *Creative Writers and Day-Dreaming (a collection of works)*. Transl. by R. F. Dorel'tsev, A. M. Kessel', M. N. Popov. Moscow, Respublika Publ., 1995. 400 p. (In Russ.)

****Genis Aleksandr Aleksandrovich has been included in the register of foreign agents. The decision of the Ministry of Justice of the Russian Federation to include him in the register was made on September 25, 2024. Available at: <https://minjust.gov.ru/ru/pages/reestr-inostryannykh-agentov/> (accessed on 14 May 2026)

Shmelev I. S. About Dostoevsky. On the novel "The Idiot". *Russian Thought*, 1947, 4 Sept., issue 21, pp. 1–5. (In Russ.)

Jung C. *Psychological Types*. Transl. by E. I. Ruzev. Moscow, Gosudarstvennoe izdatel'stvo Publ., 1924. 96 p. (In Russ.)

Информация об авторе

Белоусова Евгения Александровна
аспирант кафедры теории литературы
Московский государственный университет
имени М. В. Ломоносова
119991, г. Москва, ул. Ленинские горы, 1

evgbel131@mail.ru

SPIN-код: 2826-7388

*Статья поступила в редакцию 05.10.2025; одобрена
после рецензирования 11.03.2026; принята к публи-
кации 12.03.2026*

Information about the author

Evgenia A. Belousova
Postgraduate Student at the Department
of Literary Theory
Lomonosov Moscow State University
1, Leninskie gory, Moscow, 119991, Russia

evgbel131@mail.ru

SPIN-code: 2826-7388

*Submitted 05 Oct 2025; revised 11 Mar 2026; accepted
12 Mar 2026*